

УДК 1(091)

МАШИННЫЙ ФИЛУМ В ТЕОРИИ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МАНУЭЛЯ ДЕЛАНДА

Б.В. Подорога

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

В статье обсуждается теория военных технологий американского философа Мануэля Деланды. В одной из первых своих работ «Война в эпоху разумных машин» (1991) Деланда вводит понятие машинного филума, освоением которого определяется возможность конструирования армий. Понятие машинного филума Деланда заимствует у Жюльена Делеза и Феликса Гваттари и переосмысливает через теорию самоорганизации Пригожина: машинный филум предполагает возникновение упорядоченного целого через кооперацию различных элементов хаоса, что на уровне образования отдельных армий выражается в возникновении сингулярной связи между вооружением, социальными, политическими и экономическими условиями жизни людей в рамках конкретной географической среды. В статье рассматривается: каким образом происходит эта самоорганизация на примере трех типов армий: часовой армии классической эпохи, моторизованной армии XIX в. и армии сетевой – современной армии, основанной на использовании интерфейсов и Интернета.

Ключевые слова: Деланда, война, машинный филум, армия, самоорганизация, Делез/Гваттари, бифуркации, интерфейс, природа.

I

Введение

Троп «машина» прочно закрепился в философском и научно-теоретическом лексиконе. На протяжении всей своей истории, начиная от Декарта и заканчивая новыми онтологиями, этот троп получал самые разнообразные значения. Для Декарта и Лейбница механическая машина-автомат – это универсальная модель природы. В XIX в. машина занимает сторону механического в его противопоставлении органическому или, наоборот, сближается с ним, как, к примеру, у Э. Каппа и А. Эспинаса. После появления кибернетики, теорий сложности и синергетики понятие машины размывается – теперь любой активный, действующий вид существа можно называть «машиной» [6, с. 197]. При этом мы оставляем за скобками все многочисленные метафорические значения, которыми изобилует слово «машина».

Книга американского философа Мануэля Деланды «Война в эпоху разумных машин» (1991) по-прежнему остается актуальной. Она посвящена животрепещущей теме военных технологий, которая весьма значима для раскрытия понятия машины. Война и освоение космоса – это два основных источника технологических инноваций в XX в.. Однако для Деланды тема военных аппаратов не имеет узкого историографического

или социологического значения: с ее помощью он пытается познать так называемый машинный филум (тип организации материи), который проявляется в конкретной военной технике. Для Деланды последняя выступает в качестве совокупности образцов, на примере которых мы можем изучать аутопоэтические процессы, в том их сложном виде, в каком они предстают в рамках человеческого бытия. Вот почему Деланда активно привлекает наработки авторов, в той или иной степени касавшихся проблемы военных институтов, от Клаузевица до Фуко.

Как мы увидим, Деланда в своей книге выстраивает исторический генезис военных машин, который он, правда, не пытается концептуализировать. Совершенно точно, что Деланда не рассматривает его в перспективе научно-технического прогресса. Однако очевидно, что военные машины, с его точки зрения, становятся все более совершенными. Как нам представляется, Деланда неявно постулирует процесс, схожий с тем, что Симондон называл «конкретизацией»: асимптотическим сближением техники по мере ее развития с природными объектами (организмами и экосистемами), что кажется особенно актуальным сегодня, когда высокие технологии стали для человека жизненным миром, «техносферой» [13, р. 112].

II

Понятие филума

«Машинный филум» – ключевое понятие, используемое Деландой в названной книге. Понятие машинного филума (*machinic phylum*) Деланда заимствует у Жюль Делеза и Феликса Гваттари, понимая под ним особый тип производства, который бросает вызов всем привычным представлениям о функционировании машин. Как справедливо замечает сам Деланда, «проще сказать, чем машинный филум не является, чем точно его определить» [4, с. 16]. Машинный филум – это не общий принцип функционирования техники (орудий, механических или электронных аппаратов), равно как и не форма организации социальных машин, к которым могут быть отнесены, к примеру, дисциплинарные институты (М. Фуко) или строительные армии фараонов (Л. Мамфорд). Таким образом, машинный филум не может быть и специфическим принципом организации военных аппаратов.

Так что же такое этот неуловимый машинный филум? С одной стороны, машинный филум обозначает процесс становления, «поток материи-движения, поток материи в непрерывной вариации, носитель сингулярностей и выразительных черт», с другой – «соединение элементов в единую сборку, которая больше суммы своих частей, то есть проявляет глобальные качества, которыми не обладают ее отдельные компоненты» [5, с. 687]. Машинный филум, или «абстрактная машина», восходит к представлению о процессуальности (виртуальном), актуализирующейся в конечных, распадающихся и вновь формирующихся поверх нее един-

ствах. Получается, что военные машины – конкретные армии или средства уничтожения – должны пониматься в качестве такого рода единств, в той или иной степени выражающих суть этой абстрактной машины.

Деланда связывает понятие машинного филума с концепцией самоорганизации Пригожина/Стенгерс, изложенной в труде под названием «Порядок из хаоса»¹. Согласно деландианскому прочтению Пригожина/Стенгерс, к процессам самоорганизации относятся такие процессы, «в которых группа ранее не связанных элементов внезапно достигает критической точки, в которой они начинают “кооперироваться”» [4, с. 14]. Деланда отсылает к аутопоэтическим принципам организации, в которых важную роль играют так называемые «фазовые переходы», когда нестабильное (бифуркационное) состояние вещества при реализации определенных условий порождает упорядоченную структуру [7, с. 34]. Для Деланды важен их аспект, известный в теории сложности как «эмерджентия»: частицы, пребывающие в хаотическом состоянии, внезапно складываются в сверхсуммативное единство [14, р. 32]. Деланда приводит множество примеров такой кооперации: переход одного агрегатного состояния вещества в другое (например, из жидкого в газообразное); превращение колонии термитов в «гнездостроительную машину» при достижении «определенной концентрации химического вещества»; в определенных условиях клетки, составляющие колонию амёб, «кооперируются», собирая организм; «когда достигаются критические точки реакции и диффузии, молекулы спонтанно собираются вместе, образуя химические часы» [4, с. 15; 11, р. 13]. Критические точки предполагают возникновение отношения, связывающего друг с другом разнородные элементы: в случае с термитником – это особое взаимодействие «реакции и диффузии», в случае с кипением – ликвидация поверхностного натяжения.

III

От монголов до мемекса

Ясно, что подобного рода понятие машинного филума еще не способно прояснить его отношение к военным машинам. Ведь если его принять, то оно окажется применимым к абсолютно любому виду производства (физическому, органическому, когнитивному и т. д.), среди которых функционирование военных машин будет лишь одним из бесчисленного множества. Однако в отличие от многих других эмерджентностей военная машина является ответом на наивысшую из возможных степеней нестабильности. Военные машины возникают в условиях серьезнейших экономических, социальных, политических или религиозных кризисов².

¹ Речь идет об интерпретации ключевых понятий философии Делеза/Гваттари в оптике синергетики и теорий хаоса, возникшей в 1980-ые и 1990-ые гг. в США и России.

² Вот как Деланда описывает рождение кочевой военной машины: «Сельские сообщества, возделывающие плодородные желтоземы северного Китая, сады Ирана или же богатый чернозем Киева, были окружены поясом бедных пастбищ, где нередко царили тяжелейшие климатические условия, так что каждые десять лет высыхали все водопой, трава сгорала, а скот погибал – а с ним и сами кочевники. В этих обстоятельствах периодические набеги кочевников на культивируемые области были природным законом» [4, с. 37].

Понятно, что разные военные машины возникают в совершенно разных условиях и потому существенно отличаются друг от друга. Однако Деланда выделяет три общих для всех военных машин уровня сборки (критических точек): 1) оружейный, 2) тактический и 3) стратегический (политический). Таким образом, мы можем различать военные машины по вооружению, тактике ведения боя и стратегическому планированию, тесно связанному с политическим целеполаганием соответствующего государства или общества.

Вслед за Делезом/Гваттари Деланда различает два ключевых типа машин – оседлую и кочевую (номадическую). Первый – это армии аграрных государств и империй, чье ключевое вооружение – меч, а тактика состоит в маневрировании пехоты, прикрываемой конницей и лучниками. Крупнейшие империи древности – Египет, Империя Александра Македонского, Древний Рим – опирались на оседлые армии. Начиная уже с падения Рима все большее влияние получают кочевые армии (гунны, берберы). В Средние века появляется монгольская кочевая армия – прообраз всех современных армий. Уже в эпоху завоевания Египта гиксо-сами стало очевидно преимущество сочетания колесницы и лука, которое египтяне взяли на вооружение, в XIII–XIV вв. дружины русских князей и армии немецких рыцарей полностью проигрывали татаро-монголам, которые были значительно лучше технически оснащены и совмещали «навыки предельно мобильных лучников и наездников с гибкой тактической доктриной, использовавшей любые качества поля боя для засады и нападения» [4, с. 19–20]. Монгольская армия была способна легко менять свою структуру в зависимости от протекания боя и активно использовала засады, дезинформацию, психологические атаки и быстрый информационный обмен между ударными соединениями. С точки зрения Деланды, само появление и развитие огнестрельного оружия, с помощью которого сухопутные армии на заре Нового времени справились с кочевыми армиями, тесно связано с заимствованием технологий, используемых последними. В конечном счете именно с их помощью были сформированы армии мира в XIX–XX вв.: «Тактики и стратегии [монголов] изучались Густавом Адольфом и Наполеоном... [Но] только с приходом механизированной войны монгольский гений по-настоящему оценили, а тактические принципы монгольской армии, основанные на сочетании огневой мощи и мобильности, стали считаться столь же основополагающими и вечными, как и принципы геометрии» [4, с. 23]. В самом деле, десятичная система деления армейских подразделений, использование точечных перестрелок и тотальный шпионаж были введены в оборот монголами и стали универсальными элементами всех армий мира³. С точки зрения Деланды, именно монгольской армии удалось в полной мере выразить машинный филум и таким образом создать «сопротивляющийся ему порядок, подобно воронке в потоке бурно движущейся жидкости» [4, с. 32].

³ О развитии десятичной системы см.: [1, с. 102].

Итак, Деланда выделяет три типа военных машин, соответствующих трем историческим эпохам. К первому типу относятся «часовые» военные машины классической эпохи – машины, существующие с XVII по начало XIX в. Второй вид – «моторизованные» военные машины – формируется в революционную и наполеоновскую эпохи. И наконец, третий вид – «сетевые машины» – воплощает современная компьютеризованная армия. Генезис всех трех типов машин определяется развитием искусственного интеллекта. Соревнование армий – это соревнование форм военного разума (вооружений, тактики, стратегии, объемов и качества информации), которое, с точки зрения Деланды, в будущем должно привести к бескровному противостоянию роботов-убийц.

Характерные черты часовой армии тесно связаны с попытками эпохи Просвещения ограничить войну, нанесшую Европе в XVI–XVII вв. колоссальный урон. Вестфальский мир закрепил давно развивавшийся институт королевской власти в качестве доминирующего и сформировал общеевропейскую систему права, субъектами которого провозглашались светские государства во главе с монархами, имевшие эксклюзивные полномочия вести друг с другом войны, придерживаясь при этом определенных правил. Война была способом, «с помощью которого, *faute de mieux*, государи улаживали свои разногласия. Монархи должны были вести войну таким образом, чтобы минимизировать ущерб как их собственным солдатам, которые заслуживали гуманного обращения в случае ранения или попадания в плен, так и гражданскому населению» [2, с. 70]. Часы – излюбленный образ философской классики – отсылает к представлению о заводном механизме, наделенном душой. Перенеся этот образ на государство, Деланда описывает суверена, чье тело составляют наемники – эти колесики и винтики [8, с. 159]. По словам Деланды, часовые армии – это армии неповоротливые, медленные, где личный состав в критических ситуациях склонен к дезертирству. Такие армии ведут войны на истощение, а не на уничтожение: «...основная стратегическая цель заключалась не в быстром разгроме противника в одной битве, а в получении небольшого преимущества за счет маневра — например, быстрого ночного перехода или же блокирования путей сообщения противника» [4, с. 262].

Совсем другое дело – моторизованная армия. Как и в случае с часовыми армиями, Деланда говорит не о специфическом типе технического оснащения, а об аналогии: армии XIX, XX вв. работают подобно паровым машинам, задающим «парадигму» формировавшегося в этот исторический период индустриального производства. Паровые машины – это двигатели с отрицательной обратной связью, использующие для работы тепловой ресурс [12, р. 88]. Аналогично действуют и европейские армии, формировавшиеся после Великой французской революции: «...они работают на внешнем резервуаре ресурсов и эксплуатируют работу, выполняемую циркулирующими потоками материи и энергии» [4, с. 5].

Моторизованная армия – это модель современной армии. Последняя существует в рамках иной политико-правовой системы, чем та, что существовала в XIX в., но технически лишь дополняет и совершенствует присущие ей черты. Моторизованная армия – это армия 1) лояльная, 2) мобильная, 3) делающая ставку на разведку. С первым пунктом все довольно ясно: моторизованная армия является по своему происхождению национальной. Так, Наполеон, по словам Деланды, «подключился к резервуару лояльных человеческих ресурсов, созданных Французской революцией, и использовал их для питания первой в истории человечества моторизованной армии» [4, с. 263]. Разделение между пунктами 2 и 3 – условно, поскольку реактивность войск неотделима от скорости и качества обработки информации о противнике. В этом собственно и состоит главный урок, который военачальники XIX в. извлекли из военного искусства татаро-монгол. Военные действия, осуществлявшиеся армиями XIX в., – выявление слабейшей точки армии противника, атака на штаб командования, перехват сообщений, использование недовольных народных масс государства противника – основаны на разведанных, что не было важно в предшествующий период, где в условиях войны, напоминавшей больше рыцарскую дуэль, расположения командования и соединений были известны заранее [9, с. 170].

Сетевую военную машину Деланда описывает как машину будущего, отражающую его большие ожидания от Интернета, который бурно развивался на момент выхода книги. Контуры сетевой военной машины обозначаются по мере роста информации, подлежащей анализу, и появления электронных средств коммуникации – телеграфа, телефона, теле- и радиосвязи. Однако как в ранних, так и в новейших формах сети отсутствует децентрализация системы принятия решений, которая, с точки зрения Деланды, должна стать главным аспектом военной машины будущего. В этом своем тезисе Деланда отталкивается от феномена, хорошо известного в кибернетике: чем больше информации имеется в наличии, тем выше ее неопределенность [3, с. 13]. Централизованные армии XVII–XX вв., чья деятельность неотделима от промышленного, логического тактического и стратегического планирования, оказываются не только бессильными, но и самодеструктивными перед вызовом неопределенности высокого уровня. В этом плане было необходимо предоставлять соединениям возможность проявить большую инициативу на местах. Необходим баланс «стратегического плана и децентрализованной тактической реализации, которая позволит высвободить “эмерджентные свойства”» [4, с. 172]. В качестве примера подобного баланса Деланда приводит операцию «Overlord» времен Второй мировой войны.

Подлинная сетевая военная машина должна подготовить соответствующую инфраструктуру, которую Деланда связывает с понятием «интертекстуальность». Это понятие, сегодня описывающее наше повседневное взаимодействие с компьютерами, имело для Деланды особое значение – революционное преобразование всей военной машинерии.

Истоки понятия интертекстуальности совпадают с началом информационной революции в науке, когда встал вопрос о том, как можно упростить доступ к знанию, накопленному человечеством. Именно тогда возникает представление о необходимости глобальной децентрализованной информационной сферы, в рамках которой на первый план выходит проблема взаимодействия с интерфейсами. Так, Деланда обращается к статье американского ученого Вэнивэра Буша «Как мы можем мыслить?», где тот описывает новую технику работы с данными под названием «мемекс» – прообраз современного пользовательского интерфейса. Буш описывал мемекс в качестве рабочего стола, напоминающего верстак, состоящий из небольшой части, где хранятся данные – в идеале все накопленное человеческое знание в виде книг, микрофильмов, фотографий, картин, и рабочего терминала, состоящего из клавиатуры и экрана, где последний используется для визуализации необходимого документа, а первая – для набора необходимого кода [10, р. 295]. Сам процесс обработки информации Буш описывает в качестве перехода по перекрещивающимся ссылкам, напоминающим современный гипертекст. К примеру, мы можем искать информацию по любой интересующей нас теме. Для этого мы можем пробежать глазами небольшую конспективную статью по данной теме, а потом найти в информационной системе книги, на которые ссылается данная статья, попутно оставляя собственные комментарии.

Мемекс имеет прямое отношение к военному делу. Поскольку последнее в силу увеличившегося объема информации должно быть основанным на науке, то каждый солдат должен иметь доступ к всеобщей информационной системе через интерфейс, работающий в гипертекстовом режиме и содержащий в себе информацию о противнике. Наиболее продвинутый вариант, по Деланде, связан с боевыми беспилотниками, которые только начали появляться в конце 1980-х гг. (PROWLER, Brave 300) и стали достаточно совершенными только сегодня. По словам Деланды, проблема состоит в разрыве между централизацией информации и возможностями ее распределения среди личного состава: полнотой доступа обладает только высшее командование, что будет снижать эффективность действия военных «в поле». В целом Деланда исходит из утопии, согласно которой Интернет будет открытым пространством, где попытка введения любых запретов и ограничений будет преодолеваться уже в силу самого того факта, что пользователь имеет доступ к компьютеру.

IV

Заключение

Итак, мы видим, что главная цель Деланды – показать, что функционирование военных аппаратов предполагает проведение сквозь них машинного филума. Собственно, историческое развитие военных машин, начиная от часовых армий и заканчивая армиями сетевыми, выстраива-

ется за счет усиления проводимости филума. Часовые армии во всей присущей им социально-политической структуре скорее способствовали формированию неуклюжей гиперцентрализованной системы, которая не предполагает какого-либо серьезного и длительного ведения военных действий. Моторизованная армия уже делает решительный шаг к освоению филума, что проявляется в виде хорошо обученной лояльной национальной армии и разведывательного штаба: централизованная социально-политическая система сохраняется (национальное государство), но уже способна видоизменять свое функционирование в зависимости от изменений внешней среды. И наконец, лучше всего машинный филум, с точки зрения Деланды, мог проявиться в сетевой армии, армии децентрализованной, эффективность которой определяется инициативой на местах, связанной с возможностью воюющих индивидов оценивать обстановку, используя интерактивные устройства, что в конечном итоге должно было снизить вообще возможность войны как таковой. Однако подобного рода армия на момент написания книги была скорее ожидаемой перспективой, которой не суждено было осуществиться: Интернет оказался пронизан системами тотального слежения, экономического и политического контроля, что сильно снизило возможности к горизонтальной кооперации и отсрочило совпадение человека и филума.

Список литературы

1. Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 223 с.
2. Кревельд М. Ван Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
3. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Изд. дом «Питер», 2001. 288 с.
4. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2014. 338 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория-Астрель, 2010. 895 с.
6. Морен Э. Метод: природа природы. М: Канон+, 2013. 488 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Шмитт К. Номос земли. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
9. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
10. Carmody S., Cross W., Nelson T., Rice D., Dam A. A Hypertext Editing System, for the 360 // Pertinent Concepts in Computer Graphics. Champaign, IL: University of Illinois Press, 1969. P. 291–331.
11. Delanda M. Thousand years of nonlinear history. New York: Zone Books, 2009. 333 p.
12. Haken H. Information and Self-Organization. New York: Springer, 2010. 258 p.
13. Von Foerster H. Essays on Cybernetics and Cognition. New York: Springer-Verlag, 2003. 374 p.
14. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Orne: Editions Aubier, 1989. 337 p.

MACHINIC PHYLYM IN MANUEL DELANDA'S THEORY OF WAR TECHNOLOGIES

B.V. Podoroga

RAS Institute of Philosophy, Moscow

In the present article we will discuss Manuel Delanda's theory of military technologies. In one of his first works «War in the Age of Intelligent Machines» (1991) Delanda introduces the notion of machinic phylum elaboration of which determines ability of army's construction. Delanda takes notion of machinic phylum from works of Gilles Deleuze and Félix Guattari and rethinks it through the Prigozhin's self-organization theory: machinic phylum implies the creation of an ordered whole by cooperation of various elements of chaos, which at the level of appearance of certain armies is expressed by the emergence of a singular link between weapons, social, political and economical conditions of human life in the frame of specific geographic milieu. We're going to discuss how this self-organization is taking place in three types of armies: in classical age's watch army, motorized army of the XIX century, and in network army – contemporary army based on interfaces and Internet.

Keywords: *Delanda, war, machinic phylum, army, self-organization, Deleuze, Guattari, bifurcation, interface, nature.*

Об авторе:

ПОДРОГА Борис Валерьевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной философии ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва. E-mail: boris.podoroga@gmail.com

Author information:

PODOROGA Boris Valerievich – PhD, junior research fellow at social philosophy department of RAS institute of Philosophy, Moscow. E-mail: boris.podoroga@gmail.com